

Игумен Виталий (И. Н. Уткин)

РОССИЙСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ СВЯТОГО ИОАННА БОГОСЛОВА,
МОСКВА, РОССИЯ

Германские экспансионизм и нацизм в оценке русской духовной публицистики периода двух мировых войн: ретроспективный ВЗГЛЯД

Аннотация. На протяжении XX столетия Русской Церкви приходилось дважды давать духовно-политический ответ на вызов германского экспансионизма, нацизма, фашизма. Это происходило в период Первой и Второй мировых войн. Такая оценка давалась преимущественно в церковной публицистике. В годы Первой мировой войны подобная публицистика была широко представлена в пространстве периодической печати и опиралась на религиозно-философскую мысль. В годы Великой Отечественной войны церковная публицистика находилась совсем в ином положении. Публицисты периода Первой мировой войны видели истоки германского экспансионизма в первую очередь в немецком протестантизме, немецких духовных идеях и немецкой философии в целом. Говорилось о рационалистическом, машинном, внешнем, материальном характере германской культуры и цивилизации, о германском стремлении преодолеть хаос окружающей действительности, перестроить мир по образцу своего видения

и мышления. Подчёркивалась давняя пагубная зависимость русской жизни, культуры, образования от германского начала, немецких идей. Ожидалось, что победа России и преодоление германизма приведут к внутреннему возрождению и обновлению нашей страны. В период Великой Отечественной войны германская философия в целом, а также материализм и рационализм не могли подвергаться критике в силу господствующего в СССР марксизма, имеющего в том числе немецкое происхождение. Церковные публицисты говорили об антихристианском характере фашизма, о попытках нацистов поставить Гитлера на место Христа, подменить христианство новым язычеством, венчаемым свастикой. Критике подвергалось учение Ницше о сверхчеловеке, в котором видели один из главных источников нацизма. Критика протестантизма, в качестве среды, породившей германский экспансионизм, практически не звучала в силу союзнических отношений с США и Великобританией. В качестве антитезы нацизму в церковной печати предлагался идеализированный образ советского общественного строя как пример преодоления антихристианских национальных и классовых различий, всеобщего гуманистического равенства. Этот идеал, в силу коренной мировоззренческой трансформации, произошедшей со времён Второй мировой войны, невозможен в наше время. Требуется проанализировать церковную полемику с германским экспансионизмом, нацизмом, фашизмом в XX веке и предложить новые идеи и новый общественный антифашистский идеал.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, религиозная философия, периодическая печать, Германия, германизм, экспансионизм, нацизм, фашизм, профетизм, эсхатология, «Журнал Московской Патриархии»

Для цитирования: Виталий (Уткин И. Н.), игум. Германские экспансионизм и нацизм в оценке русской духовной публицистики периода двух мировых войн: ретроспективный взгляд // Ортодоксия. — 2025. — № 1. — С. 78–101. DOI: 10.53822/2712-9276-2025-1-78-101

Дважды на протяжении XX столетия Русская Церковь оказалась перед необходимостью давать ответы на вызов германского экспансионизма и нацизма — в период Первой мировой войны 1914–1918 годов и Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Ситуация, в которой давались такие ответы, с одной стороны, существенно различалась, с другой — была схожей.

К Первой мировой войне русская периодическая печать была представлена почти сотней изданий, в том числе — епархиальных. Они были частью огромного пространства российской периодики, опирались на мощные интеллектуальные богословские силы. В период Великой Отечественной войны церковная публицистика была представлена только «Журналом Московской Патриархии», издававшимся с 1943 года и распространявшимся по закрытой подписке через весьма немногочисленных епархиальных архиереев, известным сборником 1942 года «Правда о религии в России» и сборником посланий и проповедей архипастырей «Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война» 1943 года. Церковные духовно-интеллектуальные возможности в то время оказались несоизмеримыми с теми, которые существовали четвертью века раньше.

Весьма важным отличием второго периода является невозможность полноценно говорить о германской философии XIX столетия как источнике и пространстве формирования экспансионизма и нацизма, что делалось в Первую мировую войну. Немецкая классическая философия, особенно система Гегеля, рассматривалась в официальном советском идейно-политическом пространстве в качестве одного из источников марксизма, господствующей в стране тотальной идеологии, с которой церковным людям приходилось уживаться¹. Невозможной теперь оказалась и критика рационалистических и материалистических оснований «германизма», характерная для периода Первой мировой войны, так как рационализм и материализм лежали в основе советского идейного порядка.

В годы Великой Отечественной войны было невозможно полноценно говорить о протестантизме как источнике нацизма. Ведь протестантские, по сути, Великобритания и США являлись ключевыми союзниками нашей страны в ходе этой войны, рассматривались в официальном идейном пространстве в качестве «прогрессивных», «свободолюбивых» и «гуманистических стран», ведущих совместно с нами борьбу против мирового зла.

В русском церковном идейно-политическом пространстве Первой мировой войны было принято говорить о «германизме», «германском

¹ См.: (Ленин 1973: 43).

милитаризме». В период Великой Отечественной войны, как и после неё, говорилось преимущественно о «нацизме» и «фашизме» в их неразличимости, как это и было принято в советском мировоззренческом языке. Однако явление, описываемое и оцениваемое в двух публицистических комплексах, отстоящих друг от друга всего лишь на четверть века, было, по сути, одним и тем же.

В русской церковной публицистике периода Первой мировой войны содержится значительное количество публикаций, посвящённых анализу природы германского экспансионизма или «германизма». Как правило, он связывался с конкретным немецким протестантизмом, породившим, как считают авторы этих публикаций, «вещность» и материалистичность немецкого мышления и культуры. Отсылки к протестантизму или тем более Западу в общем являлись достаточно редкими. В случае таких отсылок именно немецкий протестантизм рассматривался в качестве концентрированного выражения западной идеи в целом.

Рассмотрим типичные примеры оценок немецкого экспансионизма на материале рязанской группы региональной церковной публицистики.

В статье рязанского епархиального журнала «Миссионерский сборник» уже в 1914 году говорилось, что главной причиной жестокости немцев, проявившейся во время боевых действий, был «более чем пятисотлетний духовный голод», «недонянчность души». Автор утверждает, что «духовно-голодный немец оказался учёным зверем, быстро одичавшим», он лишь «носил личину культурности», сумев тем самым обмануть весь мир относительно своей духовной природы. При этом немцы «допустили религиозную отсталость» сравнительно с другими народами, в первую очередь — с русским².

О природе таких «отсталости» и «голода» достаточно подробно рассуждал в 1915 году на страницах «Рязанских епархиальных ведомостей» священник Николо-Высоковского храма Рязани Симеон Светлов. Залог непобедимости русского народа он видит в «великой нравственной силе духа», основанной на вере в Бога, преданности Ему и христианском смирении. При этом западному человеку в целом негде почерпнуть такую силу, так как западное христианство — слишком земное. С точки зрения священника Симеона Светлова, даже католичество «хочет действовать на земле без Христа». А уж немецкий протестантизм и вовсе «засушил

² «Духовный голод» немецкого народа (Из впечатлений русского путешественника) // Миссионерский сборник. — 1914. — № 8. — С. 615–617.

человеческую душу», строя всё на одном разуме и «отбросив человеческое сердце». Поэтому, по мнению автора, западное христианство, квинтэссенцией которого является немецкий протестантизм, отличается «плотностью», «вещностью», стремлением полноценно устроить только «внешнего человека». Ради «внешних удобств» выхолащивается из человеческой жизни духовность как таковая. Носители такого мышления, как считает священник Симеон Светлов, смотрят на других людей «как на материал для своего благополучия». Именно такой подход определяет «бессердечность» их культуры, порождающей, в свою очередь, агрессивность и воинственный экспансионизм. Немецкий протестантизм, таким образом, несёт в себе своё собственное осуждение и «своё проклятие» — войну³.

Преподаватель Рязанской духовной семинарии В. Н. Муратов на страницах того же издания в 1915 году писал о принципиальном духовном столкновении, лежащем в основе Великой войны. По его словам, «казовая» или внешняя сторона конфликта — это отражение всемирно-завоевательных планов «сверхимператора», которым начал воспринимать себя Вильгельм II, сокрушение германского милитаризма. Однако внутренней природой войны, призванной очистить русское общество, является противостояние «машинному духу» германизма, его безжизненному, мертвящему всё, к чему прикоснётся, безбожному и бессовестному началу. Как и многие другие авторы того времени, Муратов говорит о необходимости в ходе войны всестороннего очищения русского общества от «германизма», проявившегося на протяжении последних двух столетий в «каждой области русской действительности». Именно мёртвая, бесчеловечная, функционально-машинная германская культура, с точки зрения В. Н. Муратова, породила всю систему сопровождающих её концепций и идей со всевозможными «измами» — «материализм, рационализм, механицизм, позитивизм, дарвинизм». Подобно В. Ф. Эрну, Муратов видел истоки губительной «машинной культуры» в философии Канта⁴.

Как известно, В. Ф. Эрн в своей статье «От Канта к Круппу» утверждал, что феноменализм Канта отменил «всё историческое и традиционное, всё инстинктивное и природное, всё вдохновенное и благодатное»,

³ Светлов Симеон, свящ. «С нами Бог!» // Рязанские епархиальные ведомости. — 1915. — № 1, неоф. — С. 11–15.

⁴ Муратов В. Н. На пути к духовному возрождению // Рязанские епархиальные ведомости. — 1915. — № 1, неоф. — С. 1–7.

а немецкая военная мобилизация стала следствием мобилизации всей немецкой культуры (Эрн 1991: 308–318).

Преподаватель Московской духовной академии С. С. Глаголев в 1915 году в опубликованной целым рядом региональных изданий, включая рязанские, статье «Борьба за святое» утверждает, что «немецкая практика» переворачивает евангельское благовестие «Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17: 21) на противоположное — «Царствие Божие вне вас есть». Немецкий протестантизм, по его мнению, приобретает «двусмысленность», «декоративность», «существенно наружную роль». Причина, с точки зрения Глаголева, лежит в базовых принципах «немецкой богословской науки и именно протестантской науки», которая деистична по своей сути, создаёт «теорию божественного невмешательства», «устраняет Провидение из мировой истории», истолковывая весь исторический процесс на основе только «естественных факторов». Отсюда самоидентичность человека строится теперь не на внутренней духовности, а соотносится с внешними, материальными атрибутами. В одном ряду здесь «сильная армия», «хорошая полиция», деньги, пиво, сосиски. Царство блаженства и счастья в итоге соотносится только с такой внешней культурой, материальным благополучием. Результатом становится «утопическая форма мирозерцания», порождающая социализм как политико-философский и практический идеал. Глаголев прослеживает связь между германским материализмом и германской философией на основе произошедшего в Германии «крушения нравственной веры», утверждает, что со времён франко-прусской войны создалась теория благополучия, именуемая милитаризмом. В итоге идущая война, и в его рассуждениях, и в построениях близких ему по духу отечественных публицистов, оказывается борьбой «с немецким мирозерцанием». Поэтому русская армия, ведя борьбу с армией германской, на самом деле воюет с «германской философией, господствующей философией дня»⁵.

Один из старейших к моменту начала Первой мировой войны преподавателей Рязанской духовной семинарии протоиерей Павел Алфеев опубликовал в ходе неё целый ряд статей в резко-профетическом, пророческом духе, с опорой преимущественно на Священное Писание. Он противопоставлял немецкую «материалистическую и атеистическую» культуру, основанную на протестантизме, «настоящему христианству»,

⁵ Глаголев С. С. Борьба за святое // Рязанские епархиальные ведомости. — 1915. — № 2, неоф. — С. 47–53.

представленному в первую очередь в России. Немецкая культура, противостоящая, по его словам, Христу, основана на идеях «отрицания и безбожия». Война поэтому несёт очищение России, подпавшей под германское духовно-культурное влияние⁶.

В 1915 году протоиерей Павел Алфеев материалистичность и безбожность германизма увязывал с духовно-отрицательной природой мировых царств, согласно известному видению пророка Даниила (Дан. 7: 2–7). С его точки зрения, «царство немецкого кайзера Вильгельма II» занимает первое место среди «антихристианских царств земли». Протоиерей Павел писал: «И пророки, и история согласно говорят нам об одном, что причина падения мировых монархий заключается в том зверином духе, который воплотили в себе эти монархии, в той безбожной культуре, которая вела и в конечном счёте привела их к полному разрушению, в той ненавистной жажде завоеваний, которой не могли удовлетворить все их мировые завоевания»⁷.

Приведённые примеры вполне характеризуют тот нарратив о «германизме», который создавался в многочисленных текстах русской церковной публицистики периода Первой мировой войны. Однако, как и в случае с В. Ф. Эрном, более развёрнутая характеристика немецкого экспансионизма даётся всё же в светских религиозно-философских текстах того же времени. Здесь стоит обратить, например, внимание на обобщающую статью Н. А. Бердяева 1916 года «Религия германизма», вошедшую затем в его книгу «Судьба России», изданную уже после большевистской революции.

Бердяев считал, что интуиция Эрна, проводившего линию от Канта к Круппу, в гораздо большей степени близка истине, нежели построения авторов, считающих германский милитаризм противостоящим старой немецкой культуре. Николай Александрович писал, что немец — «критицист», отвергающий мир, не принимающий «извне, объективно данного ему бытия», он «хочет, отвергнув мир, как что-то догматически навязанное и критически не проверенное, воссоздать его из себя, из своего духа, из своей воли и чувства». Бердяев видит такой «онтологизм» «волюнтаристической окраски» уже у Лютера и в протестантизме, но полагает, что

⁶ Алфеев Павел, прот. Война, распространяя опустошение кругом, несёт гибель и самому опустошителю // Рязанские епархиальные ведомости. — 1914. — № 22, неоф. — С. 850–857.

⁷ Алфеев Павел, прот. Суд Божий над мировыми царствами древних язычников как верный указатель исхода настоящей войны // Рязанские епархиальные ведомости. — 1915. — № 1, неоф. — С. 15–24.

в «великом германском идеализме» он раскрылся в наибольшей степени. Отсюда коренящееся уже в средневековой германской мистике ощущение «хаоса и тьмы» «иррациональности мировой данности» и стремление преодолеть их в рационализации и организации. Бессознательное здесь переходит в сознательное, особенно ярко это проявляется на вершине германской философии, у Гегеля. Немецкая «воля к власти над миром» «родилась на духовной почве», «Кант построил духовные казармы», а «современные немцы предпочитают строить казармы материальные», «немецкая гносеология есть такая же муштровка, как и немецкий империализм». Отсюда, по мнению Бердяева, рождается немецкая экспансия и стремление подмять под себя мир. Германец «почти не может быть святым», «германская религия» отрицает человека «как самобытное духовное начало» (Бердяев 1918: 168–169).

Какова же альтернатива, которую предлагала русская церковная и религиозно-философская публицистика «германизму»? Это возрождение Святой Руси, кардинальное внутреннее обновление страны, отказ от немецкого рационалистически-материалистического влияния в духовной жизни, культуре, образовании, переустройство страны — включая социально-политическую и социально-экономическую сферы, в том числе на основе трезвости. Ожидалось, что победившая и внутренне преображённая Россия окажется лидером Европы, займёт новое место в мире, подобающее великой и духовной державе (Виталий (Уткин) 2023: 67–151).

Известный казанский дореволюционный педагог-новатор, будущий активный деятель обновленчества священник Евгений Сосунцов в начале 1915 года ужасался тому, что русские люди перед войной долгие годы преклонялись перед Германией, «страной великого беззакония», до такой степени, что были готовы даже «поклониться зверю и образу его». Как и у многих современных ему русских авторов, «германизм» в оценках священника Евгения приобретает эсхатологическую, апокалипсическую окраску. Однако он верил, что Россия победит Германию, «пройдёт беда, вернётся к нам благодать Господня, и начнём мы новую жизнь, не по немецкой указке, а по своему разуму, да по Божьему велению», «сгинут гнёт и неправда на нашей земле, и краше солнца просветится новая, могучая и милосердная Святая Русь»⁸.

⁸ Сосунцов Евгений, свящ. Новый год // Известия по Казанской епархии. — 1915. — № 1, неоф. — С. 8–9.

Как уже указывалось выше, отечественная церковная публицистика периода Великой Отечественной войны 1941–1945 годов к теме идейных истоков германских экспансионизма и нацизма обращается в гораздо меньшей степени, чем это было во время Первой мировой войны.

Здесь обращают на себя внимание размышления от апреля 1942 года будущего сотрудника «Журнала Московской Патриархии» А. А. Шаповаловой, опубликованные в сборнике «Правда о религии в России». Она цитирует слова пасхального послания митрополита Сергия (Страгородского): «В фашистской Германии утверждают, что христианство не удалось и для будущего мирового прогресса не годится. Значит, Германия, предназначенная владеть миром будущего, должна забыть Христа и идти своим путём» (Правда о религии 1942: 244).

Шаповалова не могла, подобно авторам Первой мировой войны, свободно исследовать связь немецких философии и экспансионизма. Шаповалова особо подчёркивает, что «русская общественная мысль тесно связана с развитием немецкой философии». Она пишет, что «на работах Гегеля воспиталось целое поколение русских публицистов и критиков во главе с Белинским». При этом в истории «судьбы России и Германии» «тесно сплетались и взаимно влияли друг на друга» (Правда о религии 1942: 245).

Антонина Александровна сосредотачивается на политических последствиях «пангерманских настроений», которые, по её словам, «издавна существовали в политических кругах Германии» и в «неприкрытом и вульгарном виде воплотились в фашистских притязаниях и вождельничествах». Их исток автор видит в религиозно-политическом действии — «полном отрицании христианства», старательно избегая критики самих оснований германской политико-интеллектуальной и философской традиции.

В своих построениях Шаповалова опирается на письмо Ф. И. Тютчева к К. Пфеффелю 1873 года. Она цитирует слова Фёдора Ивановича об Отто фон Бисмарке: «Это... возврат христианской цивилизации к римскому варварству... Бисмарк не столько восстановитель Германской империи, сколько восстановитель преданий империи Римской». А. А. Шаповалова особо подчёркивает, что тютчевские характеристики «политических настроений» «некоторых германских политических деятелей» показывают неорганичность экспансионистских идей для германской политической жизни, как бы искусственность внедрения в неё этих идей.

Следовательно, с точки зрения автора, такие немецкие экспансионистские идеи могут быть преодолены также внешним путём — военно-политическим, достаточно лишь разгромить Германию на поле боя и переустроить её (Правда о религии 1942: 245).

Однако Шаповалова даёт обрезанную цитату Тютчева. Она сознательно не замечает, что в том же письме, буквально несколькими строчками выше, Фёдор Иванович дал чёткий ответ на вопрос, почему же в Германии «впервые за долгое время власть вступила в открытую войну с христианскими основами или с Церковью». С его точки зрения, причиной такой политики стало «обожествление человека человеком», возведение в «нечто абсолютное и высшее», «верховный и неукоснительный закон» «человеческой воли» (Тютчев 2002: 533–534). Тютчев пишет Пфеффелю, что «между абсолютизмом человеческой воли и законом Христа не может быть компромисса». Такое обожествление человека, возведённое в политический абсолют, он именует «Цезарем, который будет вечно воевать против Христа» (Тютчев 2002: 533–534).

А. А. Шаповалова не могла привести цитату Тютчева в полном виде, так как «обожествление человека человеком» было характерно в тот самый момент и для коммунистической идеологии в СССР. Слова Тютчева о том, что «окончательное порабощение религиозной совести», вводимое в жизнь европейского общества, «может повести Европу к состоянию варварства, не имеющего ничего себе подобного в истории мира» и дающего оправдание для «всяческих иных угнетений», в урезанном изложении Шаповаловой оказываются лишёнными своей фундаментальной основы. А такой основой у Фёдора Ивановича было понимание самого принципа «германизма» как человекобожия, постановка человека на место Бога.

Таким образом, борьба с нацизмом оказывается в системе рассуждений, предлагаемых будущим автором «Журнала Московской Патриархии», борьбой с конкретными политическими фигурами типа Гитлера и созданным ими новым политическим строем, но никак не борьбой с самими основами германской политической философии, во многом породившими и марксизм.

Из своих рассуждений Шаповалова делает верный вывод о необходимости единения русских людей самых разных взглядов в борьбе с нацизмом. Она пишет: «Если в мирное время мы, русские люди, спорим и ссоримся, враждуем и осуждаем, расходимся в мировоззрениях и суждениях, то сейчас нас всех объединяет одно сознание — Родина в опасности! Во

что бы то ни стало спасти Родину!» (Правда о религии 1942: 246). Однако при этом сама принципиальная разница русского и германского мировоззрений остаётся вне рамок её рассуждений.

Исторических корней германского нацизма частично касается ответственный секретарь редакции «Журнала Московской Патриархии» протоиерей Александр Смирнов в своей статье 1943 года «Правда Христова и злоба Иродова». Он пишет, что рождение нового, более жестокого, чем библейский, Ирода «подготавливалось веками в сердце Европы — Германии», которая «неуклонно шла» от «хищного Бисмарка к кровавому Вильгельму и Ироду людоеду Гитлеру». Германия, по его словам, постепенно «утрачивала способность к усвоению христианских начал всемирного единения» «в духе взаимного доверия и уважения национальностей». Она «веками воспитывала милитаризм». Мировая война 1914–1918 годов стала «прелюдией к мировому разбою немцев»⁹.

В другой своей статье, «Противники Креста Господня», в «Журнале Московской Патриархии» протоиерей Александр Смирнов, подобно А. А. Шаповаловой, также весьма избирательно обращается к истории германской философии. Здесь он комментирует постановление Собора Преосвященных Архиепископов Русской Православной Церкви 8 сентября 1943 года об осуждении изменников веры и Отечества, под которыми имелись в виду все «виновные в измене общецерковному делу» и «перешедшие на сторону фашизма» как «противники Креста Господня». Протоиерей Александр говорит о фашизме как новом язычестве, отмечая, что такую характеристику ему давала «советская пресса» ещё в 1935 году. Он подчёркивает главную характеристику такого язычества — фашисты «развивают идеи Ницше» и проклинаят как плебейское «гуманистическое христианство». Фридрих Ницше объявляется протоиереем Александром «родоначальником современных фашистских деятелей», который «предвосхитил многие идеи фашизма», противопоставил нравственному учению Иисуса Христа «немецкий идеал бронированного кулака или право силы», утверждал идею «новой породы» «сверхчеловека», поднимающегося над моралью. С точки зрения протоиерея Александра Смирнова, Ницше «желал временного сохранения христианства», так как «легче управлять христианским стадом, нежели нехристианским». Поэтому «современные фашистские деятели» «надели на себя маску

⁹ Смирнов Александр, прот. Правда Христова и злоба Иродова // Журнал Московской Патриархии. — 1943. — № 04 (декабрь). — С. 27–28.

покровителей религии» и используют для своих лозунгов Священное Писание. Протоиерей Александр подчёркивает, что «библейские выражения не во всяких устах и не всегда имеют свой подлинный смысл», ведь и сатана в пустыне искушал Христа библейскими цитатами (Смирнов 1943 апр.: 25–26).

Сходные мысли о намерениях нацистов высказаны в 1942 году Николаем Моршанским в книге «Правда о религии в России». Он считает, что фашисты «хотят изгнать из христианских церквей Евангелие и крест», то есть всё то, что «говорит о милосердии», положить на престолы в храмах вместо Евангелия книгу Гитлера «Моя борьба». Они хотят утвердить вместо «равенства всех людей — рабство перед германской кровью», «вместо милосердия — узаконенную жестокость», «вместо стремления к свободе совести и духа — стремление к порабощению души, тела, чувств», и свастика, «заменяющая крест», должна венчать всю эту «отвратительную постройку» (Правда о религии 1942: 229).

Здесь присутствует смысловая отсылка к Пасхальному посланию 1942 года Патриаршего Местоблюстителя, митрополита Московского и Коломенского Сергия (Страгородского), который писал, что фашисты «вознамерили дерзость вместо Креста Христова признать своим знаменем языческую свастику», но «не свастика, а Крест призван возглавить христианскую нашу культуру, наше христианское жительство» (Правда о религии 1942: 450; Русская Православная Церковь 1943: 24–25).

Ещё 24 ноября 1941 года в послании к пастве, подписанном митрополитом Сергием (Страгородским), митрополитом Киевским и Галицким Николаем (Ярушевичем), архиепископом Куйбышевским Андреем (Комаровым), архиепископом Можайским Сергием (Гришиным) и архиепископом Ульяновским Иоанном (Соколовым), говорилось, что «фашистские изверги являются сатанинскими врагами веры и христианства», «фашистам, с их убеждениями и деяниями... совсем не по пути за Христом и за христианской культурой», поэтому «прогрессивное человечество» «объявило Гитлеру священную борьбу за христианскую цивилизацию, за свободу совести и веры» (Русская Православная Церковь 1943: 9).

Протоиерей Александр Смирнов утверждал, что германский фашизм предлагает новую религию — фашисты не хотят больше верить во Христа, стремятся сами стать «христами». Такое «самообожествление нацистов» похоже на культ «древних римских цезарей». Отсюда, пишет протоиерей Александр, «прямая дорога» ведёт к тому, чтобы «венчать Гитлера в заместителя Христа» и объявить его «сверхчеловеком» Ницше. Протоиерей

Александр сравнивает стремление Гитлера к созданию «государственной языческой национальной церкви» с антихристианской борьбой императора Юлиана Отступника в 361–363 годах (Смирнов 1943 ноябрь: 25–26).

Здесь же протоиерей Александр Смирнов предлагает утопический в контексте ситуации не только в Германии, но и в СССР порядок общественного устройства. С его точки зрения, германский фашизм насильно вторгается во внутреннее содержание общественного порядка, хочет «путём террора навязать миру языческое богопочитание», а также свои «веру, нравоучение, обряды и нацистскую идеологию». Между тем, по мысли протоиерея Александра, государство может устанавливать в религиозном обществе «только внешний правовой порядок», а «внутреннее нравственное содержание этого порядка» должно «получаться» не от государства, а «свыше — от Божественного откровения, от Христа и Духа Святого». Отсюда, с точки зрения автора, неизбежное столкновение нацистов и «всех истинно верующих во Христа». Отсюда, по его словам, сопротивление нацистам со стороны протестантов и в особенности «ожесточённое противодействие» им со стороны католиков¹⁰.

В книге «Правда о религии в России» подчёркивалась международная солидарность «прогрессивных христианских народов» нацизму и приводилась точка зрения англиканских и католических деятелей Великобритании на его религиозную природу. Отмечалось, что архиепископ Кентерберийский Космо Лэнг высоко оценивал «неуклонное сопротивление советского народа» «языческим силам расовой ненависти и тирании», а кардинал Хинсли говорил о том, что «новый порядок Гитлера и идеал христианской цивилизации» «являются двумя противоположными полюсами». «Национал-социалистический мир означает подчинение всего человечества воле одной партии», война, с его точки зрения, стала следствием оскудения христианства в Европе, забвения христианских принципов» (Правда о религии 1942: 299).

В 1945 году в «Журнале Московской Патриархии» епископ Кировоградский Сергей (Ларин) со ссылкой на Генриха Гейне писал о духовном рабстве, в котором пребывает немецкий народ — «немец похож на раба, повинующегося господину без помощи верёвок, кнута», только «по слову и взгляду», он пребывает в духовном рабстве, которое «хуже материального рабства». Немцев нужно «освободить внутренне», только

¹⁰ Смирнов Александр, прот. Противники Креста Господня // Журнал Московской Патриархии. — 1943. — № 03 (ноябрь). — С. 28.

лишь внешнее освобождение «не принесёт никакой пользы». Епископ Сергей такому внутреннему духовному рабству противопоставляет «христианский гуманизм», «основанный на принципах равенства всех людей пред Богом»¹¹.

В мае 1945 года, совсем незадолго до начала в СССР официальной кампании против космополитизма, протоиерей Александр Смирнов с позитивными коннотациями писал в «Журнале Московской Патриархии» о том, что «весь ход исторической жизни человечества» ведёт к «росту космополитической солидарности, цивилизации и культуры», формулированию «общечеловеческого закона», поэтому фашисты должны предстать на «суд всего человечества», и этот суд станет «подлинным гласом Божиим», «трубным гласом»¹².

Впрочем, через три года, в своей речи перед открытием Всеправославного совещания, посвящённого 500-летию автокефалии Русской Православной Церкви, Патриарх Московский и всея Руси Алексий I (Симанский) подчеркнёт, что русский народ в своём радении о чистоте православной веры всегда «отвращался от Запада, помрачённого дымом от студенца бездны» (Откр. 9: 1–2) и «с упованием взирал на светлый и святой Восток», «видя в нём надёжную опору и твёрдый оплот против всяких чуждых Православию нападений» (Алексий I (Симанский) 1954: 112). Идеи «космополитической солидарности» были теперь отставлены в сторону.

Ожидание обновления страны по результатам военной брани в церковной публицистике периода 1941–1945 годов было выражено в гораздо меньшей степени, чем во время Первой мировой войны. Ведь теперь такие высказывания могли расцениваться в качестве скрытого политического противостояния существующему строю. Тем не менее они были.

Например, в опубликованной в 1944 году в «Журнале Московской Патриархии» статье протоиерея Александра Смирнова «Красота Голгофы» положение Отечества в ходе войны соотносилось с голгофскими страданиями Христа, народный подвиг — с несением Креста, а герои войны — с христианскими мучениками: «В великих страданиях и героических усилиях защитить себя от захватчиков наша Родина

¹¹ Сергей (Ларин), еп. Слово, сказанное преосвященным Сергием, епископом Кировоградским, 7 мая 1945 г. в Ильинском кафедральном соборе г. Одессы // Журнал Московской Патриархии. — 1945. — № 06 (июнь). — С. 39.

¹² Смирнов Александр, прот. Можно ли простить фашистов? // Журнал Московской Патриархии. — 1945. — № 05 (май). — С. 45.

облеклась в терновый венец, из-под острых игл которого брызжут на её чело капли — рубины жертвенной крови во исполнение Евангельской заповеди... Необходимо участие всех народных сил в общем крестоносении для облегчения страдания родной земли... Герои, подобно древним христианским мученикам, стойко проходят свой тернистый путь мучений»¹³.

С возвращением домой «воинов-героев, увенчанных венцом победы» автор соотносит ожидание «воскресения нашей Родины после пережитой ею Голгофы и славной мученической смерти её лучших сынов и дочерей». Он выражает веру в то, что благодаря великим творческим силам русского народа, «после пережитых нами страданий за правду наступит светлый день воскресения этой правды в нашей стране». Более того, с точки зрения автора, в среде народов Земли «постепенно зреет и творится» «воскресение человечества, будущая великая Пасха всего мира», закваской которой послужит воскресение нашего победоносного Отечества¹⁴.

Схожая мысль высказывалась протоиереем Александром Смирновым и ранее, в слове «Терновый венец Родины», впервые произнесённом им в Казанском Патриаршем соборе Ульяновска 4 декабря 1941 года и опубликованном год спустя в сборнике «Правда о религии в России». Протоиерей Александр пересказывал легенду о процветшем в алтаре одного из храмов перенесённом туда терновом венце Спасителя и писал: «Лучшие, неувядающие цветы вырастают только на терновом венце. Мы верим, что терновый венец нашей Родины даст эти цветы. Всё лучшее в человечестве после этой войны — вся культура, цивилизация мира, наука, право, искусство, литература, техника — будет работать над превращением орошённой жертвенной кровью земли в цветущий сад... После дней страданий за правду придёт и день воскресения этой правды и в нашей стране, и во всём мире» (Правда о религии 1942: 127).

Однако в церковной публицистике периода Великой Отечественной войны в качестве альтернативы мировоззрению врага противопоставлялись не эти вполне понятные, но абстрактные ожидания, а идеализированный образ вполне конкретного социального строя, уже сложившегося в СССР. Среди материалов подобной тематики в первую

¹³ Смирнов Александр, прот. Красота Голгофы // Журнал Московской Патриархии. — 1944. — № 04 (апрель). — С. 20.

¹⁴ Там же.

очередь выделяется послание преосвященным архипастырям, пастырям и всем верным чадам святой Православной Русской Церкви Патриарха Московского и всея Руси Сергия (Страгородского) от 7 ноября 1943 года, посвящённое «26-й годовщине Советского государства». Патриарх отмечает «единодушный подъём, которым многоплемянное и разноязычное население нашей страны ответило на фашистское нашествие». Возможность такого подъёма обусловлена, по его словам, тем, что «наше правительство поощряло культурное развитие каждого племени и народности в национальном духе», поэтому в СССР «даже самый маленький народец свободен строить свою жизнь и развиваться сообразно своим особенным национальным традициям и привычкам». Такое развитие всех народов Советского Союза, по словам предстоятеля Русской Церкви, «своим следствием имеет не внутреннюю слабость и разделение», но «спаянность» «всех племён к своей общей Родине», готовность их к общей жертве для победы над фашизмом. Патриарх Сергий задаётся вопросом, «откуда взялось такое единодушие», какая сила спаяла, казалось бы, «разрозненные племена»? Он отдаёт дань «мудрой национальной политике правительства», которое даёт «каждому племени» «возможность чувствовать себя дома на советской земле». Однако, пишет патриарх Сергий (Страгородский), такая ситуация является действием Промысла Божия: «“Это — перст Божий”... Сие знамение десницы Вышнего (Пс. 72: 11). Это Он, милосердую о нас, даёт сильным (в том числе и Правителям нашим) писать правду (Притч. 8: 11) и государственную жизнь нашу направляет так, что мы можем жить во всяком благочестии и чистоте»¹⁵.

При этом праздник 7 ноября, к которому приурочено послание, именуется здесь не очередной годовщиной «Великой Октябрьской социалистической революции», а «новым государственным годом». В послании звучит призыв «поусерднее помолимся о Богохранимой стране нашей и о властях её во главе с нашим Богоданным Вождём»¹⁶, чтобы наша страна после победы над врагом стала не только «мирной и процветающей», но и ведущей «другие страны... за собою к свету, миру и всякому преуспеянию»¹⁷.

¹⁵ Сергий (Страгородский), патр. Преосвященным архипастырям, пастырям и всем верным чадам святой Православной Русской Церкви (Послание Патриарха Сергия к 26-й годовщине Советского государства) // Журнал Московской Патриархии. — 1943. — № 03 (ноябрь). — С. 3–4.

¹⁶ Имеется в виду И. В. Сталин.

¹⁷ Сергий (Страгородский), патр. Там же. С. 4.

Схожие мысли высказывал другой иерарх, один из самых известных русских святых XX века, святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Он трижды прошёл через аресты и ссылки, но не озлобился на окружающую действительность и сумел сохранить в себе горячий действенный патриотизм. Открытая «просоветская» позиция святителя Луки сегодня очень часто замалчивается.

В сентябрьском номере «Журнала Московской Патриархии» за 1944 год была опубликована статья святителя Луки «Бог помогает народам СССР в борьбе против фашистских агрессоров». В этот период святитель находился на тамбовской кафедре (Лука (Войно-Ясенецкий) 2023: 250–252).

Святитель Лука отмечает, что «свой разбой и грабёж Гитлер начал якобы во имя освобождения нас и Церкви нашей от большевиков». Однако, как пишет он, на самом деле русский народ и другие народы СССР «нашли путь к высшей Христовой правде» и без «новоявленных крестоносцев». Они, утверждает святитель, «создали новый мир на небывалых в истории основаниях правды и всеобщего равенства» — как «результат мирного товарищеского труда» после «ниспровержения» «власти царя, помещиков и капиталистов»¹⁸.

Святитель Лука противопоставляет германскому расизму равенство национальностей. Он рассматривает состояние советских народов через призму Христовой заповеди — «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное» (Мф. 18: 3). Святитель Лука подчёркивает, что между детьми, ещё не развращёнными примером взрослых, не существует национальных перегородок, они играют, «не видя никакой разницы между собой». С точки зрения святителя, классовые и национальные разделения являются антихристианским злом. Он считает, что такое зло было характерно для дореволюционной эпохи: «Злые, гнусные перегородки воздвигнуты были при царизме между национальностями и классами. Для угнетателей “сарт”, “киргиз” и всякий “инородец” был низшим существом. Рабочих, мастеровых, прислугу и “мужиков” называли простонародьем, чернью, и “господа” резко отмежёвывались от них. Ядом антихристианской гордости и чванства было пропитано почти всё так называемое высшее общество, а “простой народ” это озлобляло. Эти

¹⁸ Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп., свт. Бог помогает народам СССР в борьбе против фашистских агрессоров (По поводу великих успехов Красной армии и наших союзников) // Журнал Московской Патриархии. — 1944. — № 09 (сентябрь). — С. 21.

антихристовы национальные и классовые преграды не давали места христианской любви и братству»¹⁹.

Святитель Лука пишет, что весь мир «приклонился с глубоким уважением» к русскому и другим народам СССР, «построившим первое в мире совершенное государство» и «несущим всему миру освобождение от гитлеровских сил ада», «товарищеское единение многих миллионов людей и отдельных народов, входящих в состав СССР». Такое единение достигнуто впервые в истории, «имеет огромное нравственное значение» — ведь оно «приближает людей к великому христианскому идеалу братства и любви». Достижения СССР являлись, по словам святителя Луки, примером для всего человечества на пути к христианской правде, слиянию во «всемирное товарищество в труде и жизни», которое «может избавить человечество от страшного позора и безмерных бедствий мировых войн, от гитлеровских и иных грядущих сил ада». «Вот почему Бог помогает Красной армии и её славным союзникам, карая выступающих якобы во имя Его гитлеровцев»²⁰, — такими словами святитель заканчивает свою статью.

Патриарх Сергей (Страгородский) и святитель Лука (Войно-Ясенецкий) противопоставляли нацизму хотя и христиански-осмысленный, и духовно-идеализированный, но вполне конкретный социальный строй, сложившийся в СССР к 40-м годам XX века. На этой основе они строили по итогам Второй мировой войны свои духовно-социальные ожидания преобразования не только нашей страны, но и всего мира.

Очевидно, что, несмотря на авторитет патриарха Сергея и церковную канонизацию святителя Луки (Войно-Ясенецкого), транслируемый ими конкретный идеал духовно-политического противостояния нацизму невозможен в настоящее время в России. За прошедшие со времён этих формулировок восемь десятилетий в стране, в том числе внутри Русской Православной Церкви, произошла необратимая мировоззренческая трансформация.

В настоящее время мы остро нуждаемся в переосмыслении всего опыта духовно-политического противостояния экспансионизму, нацизму, фашизму в истории нашей Церкви XX века. Предлагавшиеся в прошлом в русской публицистике идеи относительно такого противостояния необходимо систематизировать и проанализировать. Нуждаемся мы

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 22.

и в дальнейшем осмыслении духовно-социального и духовно-политического образа нашего общества, противопоставляемого европейским экспансионизму, нацизму и фашизму. В не меньшей степени необходим фундаментальный богословский анализ их корней и природы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Алексий I (Симанский), патр. Слова, речи, послания, обращения, статьи. — М. : Изд-е Московской Патриархии, 1954. — 180 с.

Бердяев Н. А. Судьба России : Опыты по психологии войны и национальности. — М. : Леман и Сахаров, 1918. — Т. II. — V, 240 с.

Виталий (Уткин И. Н.), игум. Концепт «консолидация и обновление общества» в годы Первой мировой войны: по материалам рязанской епархиальной печати (1914–1916 гг.). Дис. ... канд. полит. наук. — М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2023. — 186 с.

Духовный голод немецкого народа (Из впечатлений русского путешественника). Миссионерский сборник. — 1914. — № 8. — С. 615–617.

Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма // ПСС. — 5-е изд. — Т. 23. — 1973. — С. 40–48.

Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп., святит. Проповеди и статьи Тамбовского периода : в 2 т. / Научно-исследовательский центр изучения наследия и издания трудов архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) Курского государственного университета. — М. : Познание, 2023. — Т. 2. — 255 с.

Правда о религии в России / ред. коллегия: Николай (Ярушевич), митр., проф. Г. П. Георгиевский, прот. А. П. Смирнов. — М. : Моск. Патриархия, 1942. — 456 с.

Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война: сб. церковных документов. — М. : [б. и.], 1943. — 99 с.

Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и писем / РАН. Ин-т мировой лит. им. М. Горького; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Т. 6: Письма 1860–1873. — М. : Издат. центр «Классика», 2002. — 592 с.

Эрн В. Ф. От Канта к Крупну // Эрн В. Ф. Сочинения. — М. : Правда, 1991. — С. 308–318.

Сведения об авторе:

Игумен Виталий (Уткин Игорь Николаевич) — кандидат политических наук, доцент кафедры богословия Российского православного университета, секретарь Архиерейского совета Ивановской митрополии, 127051, Москва, Крапивенский пер., 4, inok_vitl@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 07.02.2025; одобрена после рецензирования 12.02.2025; принята к публикации 20.02.2025.

Hegumen Vitaly (I. N. Utkin)

RUSSIAN ORTHODOX UNIVERSITY OF SAINT JOHN THE DIVINE,
MOSCOW, RUSSIA

German Expansionism and Nazism in the Writings of Russian Spiritual Publicists During the Two World Wars: A Retrospective View

Abstract. Throughout the twentieth century, the Russian Church was compelled on two occasions to deliver a spiritual and political response to the challenge of German expansionism, Nazism, and fascism — during the First and Second World Wars. These assessments were expressed primarily through ecclesiastical public discourse. During the First World War, such publicistic writings were quite common for the periodical press and were grounded in religious and philosophical thought. In contrast, during the Great Patriotic War, ecclesiastical journalism found itself in a markedly different position. Publicists of the First World War traced the roots of German expansionism above all to German Protestantism, German spiritual ideas, and German

philosophy as a whole. They spoke of the rationalistic, mechanical, superficial, and material nature of German culture and civilization, and of Germany's aspiration to overcome the chaos of the surrounding reality and to restructure the world according to its own vision and mode of thought. The deeply harmful historical dependence of Russian life, culture, and education on German principles and ideas was also emphasized. It was anticipated that Russia's victory and the overcoming of "Germanism" would bring about the country's internal revival and renewal. During the Great Patriotic War, however, German philosophy as a whole, as well as materialism and rationalism, could not be subject to open criticism due to the dominance of Marxism in the USSR, which itself had German origins. Ecclesiastical publicists instead focused on the anti-Christian nature of fascism, highlighting the Nazis' attempts to replace Christ with Hitler and to substitute Christianity with a new paganism, symbolically crowned with the swastika. Nietzsche's doctrine of the *Übermensch* (Overman), seen as one of the principal ideological sources of Nazism, came under critical scrutiny. Criticism of Protestantism, once viewed as the environment that fostered German expansionism, was largely absent, owing to the allied relations with the United States and Great Britain. As a counterpoint to Nazism, ecclesiastical publications offered an idealized image of the Soviet social system as an example of overcoming anti-Christian national and class divisions, and of establishing universal humanistic equality. However, given the profound transformation in worldview that has occurred since the Second World War, this ideal is no longer viable in the present day. It is therefore necessary to analyze the Church's polemic with German expansionism, Nazism, and fascism in the twentieth century and to propose new ideas and a new anti-fascist societal ideal.

Keywords: Russian Orthodox Church, religious philosophy, periodical press, Germany, Germanism, expansionism, Nazism, fascism, prophetism, eschatology, Journal of the Moscow Patriarchate

For citation: Vitaly, (Utkin, I. n.), Hegumen. (2025). German Expansionism and Nazism in the Writings of Russian Spiritual Publicists During the Two World Wars: A Retrospective View. *Orthodoxia* (1), 78–101. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2025-1-78-101

REFERENCES:

Alexei I (Simansky), patr. (1954). Slova, rechi, poslaniya, obrashchenia, stat'i [Words, speeches, messages, addresses, articles] (Vol. 2). Moscow : Izdaniye Moskovskoy Patriarkhii . [In Russian].

Berdyayev, N. A. (1918). Sud'ba Rossii : Opyty po psikhologii vojny i nacional'nosti [The Fate of Russia : Experiments on the psychology of war and nationality]. Moscow : Leman i Sakharov (book 5). [In Russian].

Vitaly, (Utkin, I. n.), Hegumen. (2023). Koncept "konsolidaciya i obnovenie obshchestva" v gody Pervoj mirovoj vojny: po materialam ryazanskoj eparhial'noj pechati (1914–1916 gg.). *diss... kand. polit. nauk* [The concept of "consolidation and renewal of society" during the First World War: based on the materials of the Ryazan Diocesan press (1914–1916)]. [Moscow State University, Candidate of Political Sciences]. Moscow. [In Russian].

Lenin, V. I. (1973). Tri istochnika i tri sostavnyh chasti marksizma [The Three Sources and Three Component Parts of Marxism]. (Vol. 23). *The complete works* (book 5, 40–48). [In Russian].

Luke (Voyno-Yasenetsky), abp., st. (2023). Propovedi i stat'i Tambovskogo perioda : v 2 t. [Sermons and articles of the Tambov period : in 2 volumes.]. In *Scientific Research Center for the study of the heritage and publication of the works of Archbishop Luke (Voyno-Yasenetsky), Kursk State University*. (Vol. 2). Moscow : Poznanie. [In Russian].

Pravda o religii v Rossii / Red. kollegiya: Nikolaj (Yarushevich), mtr., prof. G. P. Georgievskij, prot. A. P. Smirnov [The Truth about Religion in Russia. Ed. board: Nikolaj (Yarushevich), metr., prof. Grigorij Petrovich Georgievskij, archiprb. Aleksandr Pavlovich Smirnov]. (1942). Moscow : Moskovskaya Patriarkhiya. [In Russian].

Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' i Velikaya Otechestvennaya vojna: sb. cerkovnyh dokumentov [Russian Orthodox Church and The Great Patriotic War: A collection of the Church documents]. (1943). Moscow. [In Russian].

Tyutchev, F. I. (2002). Polnoe sobranie sochinenij i pisem [The complete collection of works and letters]. RAS, Gorky Institute of World Literature, Pushkin House. (Vol. 6, Letters 1860–1873). Moscow : Classica. [In Russian].

Ern, V. F. (1991). Ot Kanta k Kruppu [From Kant to Krupp]. Ern V. F. Works (308–318). Moscow : Pravda. [In Russian].

About the author:

Hegumen Vitaly (I. N. Utkin) — Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Theology at the Russian Orthodox University of Saint John the Divine, Secretary of the Bishops' Council of the Ivanovo Metropolia, 4, Krapivensky pereulok, Moscow, Russia, 127051, inok_vitl@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 07.02.2025; approved after reviewing 12.02.2025; accepted for publication 20.02.2025.